

Гайнутдинов Тимур Рашидович

СООБЩЕСТВО И СОБЫТИЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/4.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (33): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-15. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2010/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Считая помощь студентов народному хозяйству важной как для реализации общегосударственных задач, так и для воспитания самих будущих специалистов, ЦК ВЛКСМ в постановлении от 10 июня 1941 года обязал комсомольские организации вузов и техникумов «... провести необходимую организационную работу по привлечению студентов для работы в период летних каникул в промышленности, на стройках, в сельском хозяйстве» [21]. Однако выполнению постановления помешала Великая Отечественная война.

В годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период советское студенчество продемонстрировало мужество и героизм, внесло посильный вклад в восстановление экономического потенциала страны. Эти годы стали периодом массового участия студентов в общественно-производительном труде. Комсомольскими организациями практически всех учебных заведений страны за многие годы был накоплен опыт организации труда студентов как во время осенних сельскохозяйственных работ в подшефных колхозах, на субботниках, так и во время летних каникул, который затем был реализован в патриотическом движении студенческих строительных отрядов.

Список литературы

1. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1926-1929. М., 1984. Т. 4. С. 357-359.
2. Приступко В. А. Студенческие отряды как важный фактор реализации государственной политики по подготовке специалистов для народного хозяйства 1959-1991 гг. М., 2003. С. 3.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298, 301.
4. Там же. Т. 2. С. 485.
5. Губина С. А. Трудовое воспитание студентов: методология, теория, управление. М., 1986. С. 5.
6. Там же. С. 13.
7. Известия. 1924. 4 мая.
8. Там же. 12 августа.
9. Там же. 4 ноября.
10. Комсомол и высшая школа: документы и материалы съездов, конференций ЦК ВЛКСМ по работе вузовского комсомола (1918-1968). М., 1968. С. 30-32.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-17. Оп. 8. Д. 660. Л. 2.
12. КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 282.
13. Комсомол и высшая школа. С. 25.
14. КПСС в резолюциях... Т. 5. С. 71.
15. Товарищ комсомол: документы съездов, конференций и ЦК ВЛКСМ (1918-1968). М., 1969. Т. 1. С. 323-396, 411-424, 445-558.
16. Комсомол и высшая школа. С. 58.
17. Народный учитель. 1984. 2 ноября.
18. РГАСПИ. Ф. М-17. Оп. 8. Д. 660. Л. 2.
19. Народный учитель. 1984. 2 ноября.
20. Лепехин В. А. История студенческих строительных отрядов МГУ: краткий очерк к 30-летию студенческого строительного движения. М., 1990. С. 6.
21. Комсомол и высшая школа. С. 91-92.

УДК 111.6

Тимур Рашидович Гайнутдинов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

СООБЩЕСТВО И СОБЫТИЕ[©]

“Но не заключается ли единственная цель этого доклада как раз в том, чтобы ввести в поле зрения само бытие как событие?” [4, с. 97].

Вопрос уже задан, он пущен в ход, подобно тому, как “пускают в ход” судебное разбирательство (и разбирательство действительно имело место: 19 января 1946 года после длительных и сложных переговоров учёный совет Фрайбургского университета принял решение уволить Хайдеггера на пенсию, с запретом на преподавание, отказать в пенсии университетского профессора и в повторном рассмотрении дела по прошествии определённого срока, а кроме того, просить ректора сообщить Хайдеггеру, что впредь на общественных мероприятиях университета, его, Хайдеггера, присутствие нежелательно). И даже если формулировка вопроса может показаться излишне абстрактной и непродуманной, именно в ней заявляет о себе предельная напряжённость мысли. В одном из комментариев к работе “Путь к языку” Хайдеггер по этому поводу говорит буквально следующее: “Сегодня, когда едва продуманное и полупродуманное сразу в той или иной форме гонят в печать, пусть многим покажется неправдоподобным, что автор уже более 25 лет применяет слово *событие* в своих рукописях для обозначения имеющейся здесь в виду вещи.

Вещь эта, хотя сама по себе проста, остаётся трудной для мысли, прежде всего, потому, что мысль должна прежде отвыкнуть от привычки впадать во мнение, будто в качестве события здесь мыслится “бытие”. Событие – существенно другое, потому, что более богатое, чем всякое возможное метафизическое определение бытия. Наоборот, бытие в свете своего сущностного происхождения позволяет мыслить себя из события” [5, с. 496].

Разумеется, в этом комментарии Хайдеггер не ведёт лишь речи о том, чтобы прояснить некую всё ещё ущербную экспозицию, так же как не ставит он перед собой задачи перевернуть порядок этой экспозиции (“мы отделались бы слишком дешево, попытавшись укрыться в таком переворачивании” [4, с. 98]). Речь идёт о другом, “существенно другом” – о том, чтобы исследовать возможности экспозиции события в отношении сокровенности онтологических причин, равно как и в отношении соразмерности социально - политических следствий. В этих словах комментария, отнесённых в конец статьи, вынесенных за её предел, как за границу смысла, Хайдеггер говорит нам о необходимости *мыслить бытие исходя из события*, что во всей своей буквальности означает “мыслить абсолютно и без остатка исходя из вместе как сущностного свойства того, чьё бытие – это не что иное, как одно-с-другим” [2, с. 63]. Иначе говоря, Хайдеггер вплотную приближает нас к пониманию того, что бытие как таковое выставляет себя посредством “вместе” и всякий раз лишь подобным образом. Именно “посредством вместе”, а не просто “в некотором в-месте”, поскольку само это “вместе”, что произносит себя в событии, уже не просто атрибут или черта композиции бытия, но условие экспозиции того, что оно есть и проговаривает себя в качестве “есть”.

В этом контексте, пожалуй, ничто не является более настоятельно необходимым, чем “вести в поле зрения само бытие как событие”. Но, чтобы рассмотреть данную проблему или, по меньшей мере, артикулировать её с некоторой долей строгости, необходимо, прежде всего, исследовать возможности экспозиции “со” в отношении сокровенности онтологических причин, равно как и в отношении соразмерности социально - политических следствий.

“Со” составляет своего рода часть некоторой малой традиции, некоторый концепт на внешнем круге традиции, едва ли даже концепт в той мере, в какой “бытие” было представлено вплоть до Хайдеггера или, скорее даже, вплоть до Батай-Бланшо-Делёза-Деррида-Нанси-Рансьера... (перечисляем имена вскользь, лишь общим планом и в открытом списке, тем самым, поверхностно маркируя пространство философии) “в качестве единственного, не имеющего ничего, кроме себя, безо всякого сосуществования или совпадения” [Там же, с. 123].

Конечно мы и сейчас “ещё далеки от того момента, когда онтология должна будет непосредственно и безотлагательно выступить в качестве принадлежащей сообществу, момента, когда бытие в соответствии со строжайшей логикой своего отступления и откладывания отступило бы в событие экзистенции” [3, с. 91]. Но вместе с тем уже сейчас всё то, что в течение по крайней мере двадцати пяти столетий медленно, едва ощутимо, но от того ещё более неуклонно собиралось воедино под именем бытия (которое больше, чем имя, поскольку вбирает в себя любое имя), начинает менять своё место и своё пристанище, - или, скорее, только сейчас и обретает это пристанище, - и получает имя события. И это не просто перенос имени или его уплотнение, как если бы вещь обернули бумагой. Это нечто большее и вдобавок нечто совершенно иное. Это то, что меняет саму структуру именования, выстраивая её созвучию “со”. “Со” выражает то, что только и может быть высказано и что иначе называют “невыразимым”: оно выражает совместность бытия (бытие совместно, и за этим “со” нет иного места и нет иного бытия, кроме того, что вместе и в самом этом “вместе”: мы всегда уже совместно, в каждое мгновение и с самого первого мгновения события); а кроме этого, - но может ли нечто быть “кроме этого”? так что скорее уж “на кромке этого “со”, - сообщество обретает возможность вычертить в виде контура своё воздействие на поверхность социального тела.

Слова, обретая сырьё смысла, служат более не тому, чтобы что-либо сказать, но являются схватыванием бытия как такового, в его внеположенности каким бы то ни было детерминациям. Слово есть декларация бытия и, будучи владеющим словом, или, скорее, словом овладеваем, человек оказывается сущностно сопричастен бытию. В этой сопричастности черпает себя событие, ибо бытие высказывает себя в человеке не иначе как посредством “со” самого бытия, что всегда уже в нём и всегда уже здесь. И то, что следует здесь увидеть, - это то, каким образом слово (любое слово, от самого непристойного до самого возвышенного) предъявляет некоторое “со” в виде пароля (своего рода обещания, обета или, даже, контракта, договора, пакта), как будто лишь в этом “со” заложен весь его смысл и смысл бытия. В этом плане именно “со” есть “самое высказанное”, и не столько в силу сопричастности смыслу множества слов, сколько в силу того, что даже там где конструкция слова исключает “со”, “со” всё равно сказывается себя. “Со” лишено непосредственности имени, оно “одолживает” себя у множества имён, но, вместе с этим, “со” несёт в себе все слова и все имена, питает их изнутри, скрывая себя за ними. “Со” лишено субъективности и персональности, оно нечто неопределённое, но, в то же время, определяющее совместность бытия.

Прежде чем язык обретёт тело и заполнит собою смысл, прежде чем язык станет смыслом и начнёт срываться с уст, - он есть лишь частица “со” в соприкосновении тел, их совместности и совершенстве. Язык в себе самом нетелесен, он вне сущности и тела, как бытие за пределами бытия (здесь следует быть предельно осторожными: мы говорим о внеположенности языка относительно бытия, но сама эта внеположенность не есть некоторое местоположение; скорее, - движение трансценденции, превышающее бытие, сущность, телесность...). Вне “со” язык безмолвен, бессловесен и беззвучен - он “ни то и не это”, лишь внешнее мира, его скорлупа и наружа; он разрывается между смыслом и голосом, оставляя пустым и смысл и голос.

Но в событии “со” язык инициирует себя, овладевая телом и совращая другого сокровенностью речи. Нам следует проговорить это вслед за Нанси: “со” выражает “способность *прикасаться* к другому телу (или прикасаться к себе), что является не чем иным, как о-пределением тела” [2, с. 144]. Мы могли бы добавить: “со” не просто языковое “о-пределение тела” и то, что выражает его близость к телу другого (а, следовательно, и близость как таковую, поскольку близость телесна по-определению). “Со” определяет само тело языка и это тело сообща и вместе события.

Здесь мы, вслед за Нанси, ни много, ни мало, выстраиваем манифест новой онтологии, непосредственноверяющей себя сообществу: “...в этой онтологии бытие есть вместе, оно есть в качестве “со” самого бытия (событие бытия), хотя бытие и не идентифицируется как таковое (как бытие бытия), но ставит себя, даётся или происходит, диспозиционирует себя – делает событие, историю, мир – как своё собственное единичное множественное вместе” [Там же, с. 68]. Это слова, произносимые в преддверии момента, когда бытие в полном соответствии с логикой собственной соявленности отступает (и это отступление есть возврат к истоку) в “событие экзистенции”. Возвращаясь к событию, бытие обращает себя в сообщество, и речь здесь надлежит вести именно о “сообществе бытия, а не бытии сообщества” [3, с. 91]. “Бытие как сообщество и сообщество как предназначение” [2, с. 67] бытия, то есть нечто соизначальное или даже назначенное бытию в качестве его смысла и цели.

Сообщество, - следует это сказать, следовало сделать это ранее, и, возможно, более этого ничего говорить не стоило, - есть социальное бытие в одновременности событию. Сообщество и есть событие, то есть то, что обретает себя в частице “со”, обнажая бытие сообща. Эти два положения или, скорее, предположения, - то есть фразы полагающей себе лишь качество удачной версии события, - почти одинаковы. Они суть одно или часть одного разговора, они говорят о сообществе и событии, соотносят себя с ними и дают им высказаться в себе: “Событие остаётся одновременно в и на языке, а, следовательно, внутри и на поверхности; эта поверхность открыта, выставлена на обозрение, немедленно переполняемая, выходящая за саму себя. Событие остаётся в и на устах, на кончике языка или на кончике губ, переполненных словами...” [1, с. 100]. Эти слова произносятся “в-месте” и есть само это “в-месте”, что произносит себя в сообществе события.

Список литературы

1. Деррида Ж. Кроме имени // Эссе об имени. СПб., 1998. С. 71–134.
2. Нанси Ж.-Л. Бытие единичное множественное. Мн., 2004. 272 с.
3. Нанси Ж.-Л. О событии // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 91–102.
4. Хайдеггер М. Время и бытие // Разговор на просёлочной дороге: избранные статьи позднего периода творчества. М., 1991. 192 с.
5. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М., 1993. 447 с.

УДК 792.8

Анна Петровна Груцынова

Московская государственная консерватория им. П. И. Чайковского

РОМАНТИЗМ И БАЛЕТ[©]

Возникший на рубеже XVIII и XIX веков романтизм проникал в различные виды искусства постепенно, причем, некоторые он покидал быстрее, а в некоторых господствовал на протяжении всего столетия. Первыми новое веяние почувствовали литераторы, затем мы встречаемся с романтизмом в живописи, музыке. В балетный театр романтизм пришел практически в последнюю очередь, когда литература была им почти оставлена. Но это не помешало тесным связям между данными видами искусства, и можно сказать, что романтический балет явился естественным итогом развития романтической литературы, из которой (а иногда - из аллюзий на которую) авторы балетных сценариев черпали свои идеи.

Как часто бывает во время возникновения какого-либо художественного течения, сами «основатели» этого направления употребляли понятие «романтизм»/«романтический» не так часто, как этого хотелось бы современным исследователям, и не совсем в том смысле, к которому мы привыкли. Эти понятия связывались не с отточенным определением, а с общим поэтическим ощущением. Г. Форстер писал: «Романтическим является то, что представляет сентиментальное содержание в фантастической форме. Сентиментальное то, что нас волнует, что пробуждает в нас эмоции, но не чувственные, а духовные. Истоком и душой всех этих порывов является любовь, и дух любви должен повсюду незримо витать в романтической поэзии <...> Романтическое не столько род, сколько элемент поэзии» [3, с. 64-65]. Среди всего прочего, «пробуждать в нас эмоции», по мнению некоторых ранних романтиков, призван был и танец.